

*Мы вопрошаем и допрашиваем
прошлое, чтобы оно объяснило
нам наше настоящее и намекнуло
о нашем будущем.*

В. Г. Белинский

Пролог

Лето 1983 года в Малинниках, да и во всей области в целом, выдалось засушливым и необычайно жарким. К середине июля дожди, и прежде редкие, прекратились совсем. Тем роковым вечером третьего августа от зноя изнемогали и земля, и люди. В надвигающихся сумерках небо над горизонтом неожиданно налилось свинцовой тяжестью.

Первая молния сорвалась с низкой тучи на дальнем краю поля возле самого леса. С сухим треском она соединила небо и землю, угодив точно в огромную скирду сена, которое весело запылало, освещая грубую стерню и близкие деревья. Словно этого было мало, в торчащую на опушке древнюю ель ударила вторая. Гром прокатился далеко над полями, а потом молнии стали бить пучками — в поле, в лес, в столбы линии электропередачи вдоль дороги. Разряды сыпались с неба непрерывной чередой. Искривленные, как пальцы гигантских пятерней, молнии ветвились и вцеплялись ослепляющей хваткой во все подряд.

Резким порывом налетел ветер и задул мощно, загудел, как стовагонный состав на перегоне, поднимая в воздух горящее сено, раздувая и разнося пламя по сухой стерне на десятки метров за раз. Огонь помчался по стонущим на ветру кронам деревьев, взметнулся в алый столб пламени и, вращаясь в опаляющем вихре, набросился на заглохший в поле трактор, пожирая жирную смазку и хищно блестя в стеклах кабины.

Во втором часу ночи на совхозной ферме вспыхнул громадный ангар, больше чем наполовину заполненный сеном. В него угодило три разряда подряд. А молнии, словно сорвавшись с цепи, все лупили в иссушенную долгой засухой землю, в крыши построек, в деревья.

Ближе к поселку, на МТС¹, взорвалась цистерна с горючим, и в небо взметнулся огромный черно-красный столб пламени, бугрящийся, вспухающий смертоносным цветком. Огонь ревел, играючи перескакивал с деревьев на заросли малины вдоль шоссе и длинными проворными языками тянулся к первым домам поселка под вой ураганного ветра.

Небо пылало ослепительно-синим, черным и золотым, перетекало из лилового в зловещий красный, но так и не пролило вниз ни единой капли дождя. Над поселком Малинники, молочной фермой совхоза «Рассвет», полями и лесом на километры вокруг бушевала невиданной мощи сухая гроза.

¹ Машинно-тракторная станция.

Часть первая

В ТИХОМ ОМУТЕ...

Глава 1

ПОЖАР

Малинники. 3 августа 1983 г.

Лида капризничала. Едва сообразив, что мама собирается уходить, она скуксилась, округлое личико сморщилось, в глазах заблестели крупные, как капли росы, слезинки.

— Мами-ичка! — заныла она, цепляясь за материнский подол обеими ручонками.

Ткань платья натянулась, перекосилась, выехала из-под пояска. Зоя присела на корточки, пытаясь отцепить липкие от арбузного сока пальчики.

— Лидочка, солнышко, мне пора на работу! — принялась она уговаривать дочь, оглядываясь на крыльцо.

«Где же мама?» — нетерпеливо билось в голове. Но Александра Васильевна как назло застряла где-то в глубине дома и не спешила спасать Зою от Лидочки. А ведь она отпросилась домой всего на часок, с дочкой повидаться. Третьи сутки с утра до ночи пропадая в телятнике — начался отел, — Зоя разрывалась между домом и новорожденными телятами. Мой, корми молозивом каждые два часа, следи, чтобы не подавились, не поддушились на привязи, а они все

прибывали — смешные и неуклюжие коровьи детки. На свою кровиночку времени совсем не оставалось...

— Лидочка! — наконец появилась на крыльце Александра Васильевна. — Иди к бабушке, бабушка что-то вкусненькое даст!

Лида к бабушке идти не желала. Крепко обняв мамины ноги, она повисла на них всем весом трехлетнего ребенка средней упитанности, такая себе хнычущая гирька в пятнадцать килограммов весом.

— Пойду с мамой на яботу! — прогудела она, пряча от бабушки лицо в складках Зоиноного платья.

— Конечно! — ухватилась за спасительное предложение Зоя. — Я сейчас схожу спрошу разрешения у дяди бригадира и вернусь за тобой, хорошо?

Дочь отстранилась, не отпуская рук, и подняла заплаканное лицо, с надеждой уставившись на Зою. «Правда?» — вопрошали светло-серые чистые глаза. Зоя тяжело вздохнула и погладила растрепанные завитки волос на дочкиной макушке.

— Я побегу? А то дядя бригадир уйдет и спросить будет некого...

Девочка неохотно отступила. Зоя кинула быстрый виноватый взгляд на подбоченившуюся на крыльце мать и бегом бросилась со двора. От поселка до фермы было около километра, да еще предстояло пробежать задками до улицы Ленина, от которой и начиналась дорога к ферме, проходя между полем и лесополосой.

* * *

— Зимчук, Зоя! — сердито окликнул зоотехник Кузьмичев, едва она успела появиться возле телятника. — Ты где шляешься?

Зоя покраснела. Она одновременно чувствовала и вину, и возмущение. Вину за то, что не только у нее дома скучал ребенок, возмущение тем, что какой-то час за безумные дни и ночи — не повод орать на всю ферму, будто она была злостной прогульщицей.

Ферма гудела сутками: собирали с полей громадные рулоны сена и заканчивали второй покос, неудачный. Из-за отсутствия дождей трава почти не росла, пересыхая на корню. Гоняли на дальний выпас молочное стадо, так как на ближних есть было уже нечего, и едва успевали вернуть скотину в коровники ко времени дойки, а тут еще и летний отел подоспел. Август, одним словом.

— Вы, Дмитрий Николаевич, совесть бы поимели, — неожиданно заступилась за Зою пожилая доярка Нина Ивановна, с которой они встретились по дороге к телятнику. — Зоинька, почитай, живет на ферме. Надо же и домой заглянуть? Что бы ваша Елена Михайловна без нее делала? Спасибо бы сказали...

— Ты, Ивановна, меня не совести. Отел идет. Благодарности будем потом раздавать, — пробурчал зоотехник. — Сейчас работать надо.

Зоя повернулась и поспешила в родильное отделение телятника, не слушая продолжения перепалки. У самых дверей подол ее ситцевого платья взметнул внезапный порыв горячего ветра, как будто грузовик мимо промчался. Удивленная, Зоя оглянулась. В надвигающихся сумерках небо на горизонте медленно наливалось тяжестью огромной тучи.

«Скорее бы уж полило! — подумала женщина, открывая дверь. — На такой жарнице да без капли дождя кто угодно взбесится. Уж на что Кузьмичев мягкий, а и он срывается». — Она вздохнула.

В большом телятнике стоял привычный шум: в цехе первотела мычали коровы, разлученные с телятами и стельные; в ремонтном — жалобно звали мамаш новорожденные малыши, привязанные в своей выгородке; телята постарше возились в больших стойлах. Елена Кузьмичева — ветеринарный врач — только махнула Зое рукой из длинного прохода ремонтного цеха. Даже издали она выглядела усталой. Зою снова накрыла волна стыда, и она заторопилась переодеваться.

* * *

Семен Зимчук заглушил трактор и полез из перегретой кабины. Несмотря на то что дело близилось к ночи, жара не спадала и поднявшийся ветерок не спасал. Перекинувшись парой слов с дежурным механиком, Семен с тоской посмотрел в сторону основных строений фермы. Длинное здание телятника загоразивали коровники, но даже если бы он мог увидеть со двора механизации его беленые стены и серую шиферную крышу, то уж разглядеть фигурку жены все равно не удалось бы.

Семен помялся с минуту, разрываясь между желанием увидиться с Зоей и поцеловать перед сном кудрявую головенку дочки, и, махнув рукой, отправился в поселок. По пути его нагнал рыжий «рафик» совхозуправления.

Семен помахал водителю, и улыбочивый, добродушный Олежка Михайлов согласился подкинуть его до самого дома.

— А сам-то куда на ночь глядя? — спросил Семен.

— Да ну их, — беззлобно отмахнулся Олежка. — Придется гнать с самого утра в район за Анатолием Дмитриевичем. Аж к восьми. Ну так я сказал, что на дворе коняку поставлю, чтобы в гараж до свету не переться.

Семен только хмыкнул. Олега любили и в управе, и в гараже, и в ремзоне. Открытый и веселый, парень был скор на подмогу и никому ни в чем не отказывал. Не отказывали и ему.

Быстро темнело, с полей на поселок шел грозовой фронт, но в воздухе не чувствовалось никакой прохлады, наоборот, даже ветер казался горячим. На Ленина уже зажглись новые, только в прошлом году установленные по обеим сторонам улицы фонари, а в переулке у тещино дома пятачками света пытались разогнать тьму древние лампы под жестяными колпаками, висевшие на деревянных столбах. Да не у каждого дома такой столб стоял.

«Рафик», ворча и подпрыгивая на неровностях дороги, укатил обратно к главной улице, подмигнув «стопами» у поворота, а Семен толкнул скрипучую калитку. На веранде было светло, за густой сеткой тюля мелькала фигура тещи.

— Мам Саш, я дома, — крикнул Семен с крыльца, чтобы не напугать женщину внезапным возникновением из темноты.

— Папа! — Лидочка метнулась в ноги, радостно вереща и топая босыми ножками по нитяным коврикам на полу веранды.

— Кто это не спит? — притворно сощурился Семен. — Доча моя?

— Дося, дося, — подтвердила девочка и требовательно вытянула ручки вверх.

Семен подхватил на руки теплое тельце, дочка прижалась щекой к его щеке и тут же отстранилась:

— Колюсий!

— Сеня, походи умойся, ужин готов, — скомандовала Александра Васильевна. — А маленьким девочкам пора спать!

Он склонился над рукомойником, плеснул воды в лицо на обожженную солнцем кожу и, намылив руки, принялся умываться, фыркая и крякая от удовольствия. Сдернув с крючка полотенце, мельком покосился в старое зеркало с изъеденной амальгамой — выгоревшие волосы торчком стояли на макушке, с мокрой челки капало на лицо, на побелевшие от солнца брови. Капельки воды стекали по скулам, застревая в рыжеватой щетине, сгладившей упрямый квадратный подбородок, и убегали по шее вниз, на загорелую грудь.

«На черта похож! — смеялась Зоя, когда он приходил домой вот таким — вымотанным за день, потным, пыльным и перемазанным в мазуте. — Обычные черти черные, а мой — беленький...»

Лидочка топталась рядом, ни на шаг не отходя от отца.

— Я уложу, — улыбнулся Семен и понес дочь наверх, в мансарду, где она спала вместе с бабушкой.

* * *

Директор фермы Антон Копылов вытянул ноги, сидя в любимом кресле перед телевизором. Жесткий ворс ковра приятно почесал огрубевшие сухие пятки. Он поелозил ими по полу, желая продлить удовольствие.

То ли антенна забарахлила, то ли сигнал пропал, но диктора программы «Время» неожиданно прервали косые подрагивающие полосы, ползущие через экран. На телевизор грешить Антон не мог — цветной «Рубин» служил семье верой и правдой уже четвертый год и ломаться не собирался, несмотря на то что рядом с отсутствующей ручкой для переключения каналов лежали небольшие плоскогубцы. Антон недовольно поморщился. Телевизор, будто уловив недовольство хозяина, мгновенно исправился — полосы исчезли.

Марина уложила мальчишек и заглянула в комнату:

— Чай ставить?

— Погоди, — отмахнулся Антон. Диктор как раз начал рассказ о выполнении июльского постановления по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий.

Марина ушла, а изображение как назло опять пошло полосами, звук стал прерываться и хрипеть обрывками слов. А потом за окном гроыхнуло так, что задрожали стекла и экран покрылся серой рябью.

«Неужели гроза?» — с надеждой подумал Антон. Засуха здорово осложняла ему жизнь. Страдала отчетность, ломалась техника, мучились люди и скотина. Но грохот не повторился, и дождь, которого ждал весь район, так и не начался. Экран перестал рябить, но международные новости интересовали Копылова гораздо меньше, чем свои, советские.

Он нашарил тапки, поднялся и отправился на кухню к жене.

* * *

Гриша Стрельников хозяйничал в доме один. С тех пор как в феврале умерла мама, он постепенно привык к холостяцкому быту. Больше никто не ждал его вечерами с горячим ужином, и окна не светились теплом, когда он задерживался на работе допоздна.

«Жениться тебе надо, комсорг», — подталкивали старшие товарищи. Гриша и сам понимал, что надо, да только не знал как. Как вытолкнуть из сердца занозу единственной любви? Ядовитую и острую даже спустя столько лет, да к тому же давшую чудесный, запретный, горький побег.

Едва узнав о беременности, Зоя стала всячески избегать встреч, а Гриша не навязывался. В конце концов он смирился с мыслью, что вместе им уже не быть, и от того, что на соседней улице растет дочь, зовущая папой другого, Гришкина душа покрылась коростой циничного равнодушия.

«Миллион-миллион-миллион алых роз...» — запела Пугачева свой оглушительный хит, а он хмыкнул и выключил телевизор. Воткнул кассету

в новенький «Грюндиг», купленный у приятеля в районе, и страдания нищего художника сменил Pink Floyd. Чуждая облику советского комсомольца музыка комсорга не смущала. Напротив, он находил странное удовлетворение в том, что может прийти домой и, сняв маску приторной правильности, достать из серванта початую бутылку, наполнить до краев стеклянную рюмку с золотой полоской по ободку и одним махом вогнать в глотку обжигающую прозрачную жидкость, потом поставить любимую кассету и насладиться свободой. Рамки этой свободы были тесными, как узкий ворот, но, даже такая, она возвращала к тем временам, когда он еще наивно верил. В любовь. В комсомол. В то, что жизнь — прямая и простая штука: будь честным, делай что должно, и все у тебя будет хорошо.

Сегодня он изменил правилу «одной рюмки». Осушив третью подряд и закусив хрустким огурцом с огорода, он мрачно посмотрел на большую немецкую куклу с серебристыми волосами, которая сидела на трюмо. Помня, что у Лидочки скоро день рождения, он съездил в город и достал подарок через знакомого в универмаге. Вот только Зоя сказала, что никаких подарков для дочери от него не примет, даже если никто не узнает, откуда взялась дорогая игрушка. «Не буду врать!» — заявила она и даже не опустила глаза.

Гриша покачал головой и снова потянулся к бутылке. Зоя не хочет врать! Зоя, живущая в такой лжи, что он не переставал удивляться, где она находит отчаянную смелость и волю, чтобы держаться

настолько уверенно даже перед ним. Налить рюмку не успел — за окном шарахнуло, и дрогнувшая от неожиданности рука пролила остатки «Столичной» на любимую мамину скатерть.

* * *

— Анатолий Дмитриевич, вы располагайтесь, — застенчиво улыбнулась совсем молоденькая девушка.

Главный инженер молокохозяйственного отделения совхоза «Рассвет» рассеянно покивал, оглядывая скудное убранство номера в гостинице при районном Доме колхозника. Четыре кровати, четыре тумбочки с перекошенными дверцами, открытая вешалка в неглубокой нише. Полированный стол с неизменным графином и стаканами. Над кроватями — помутневшие колокольчики бра. Убранством номер походил на комнату общежития, в котором Анатолий жил во время учебы в институте. Впрочем, именно общежитием эти десять комнат и служили в страду для шоферов, комбайнеров и прочего люда из других районов, приезжающего на подмогу совхозу. Со всем скоро здесь будет не развернуться, но пока гостиница пустовала. Ему пришлось остаться здесь до утра, потому что у поселкового «уазика» забарахлила раздатка, а местные механики сказали, что придется ждать дня два. Он позвонил в поселок и договорился, что утром за ним пришлют другую машину.

— Мне бы чайку, милая, — обратился он к девушке, ослабляя галстук.

— Лариса, — покраснев, представилась она. — Конечно! Буфет уже не работает, но у меня есть

плитка, я вскипячу чайник. И еще есть бутерброды — мама всегда собирает на смену, а я не ем по ночам — это же вредно... Будете?

Ее смущение выглядело таким по-детски наивным и искренним, что Велейкин невольно улыбнулся:

— А давайте! Я поесть-то не успел, думал, что буду дома ужинать, но вышла задержка, так что ваши бутерброды будут очень кстати.

Девушка упорхнула, обрадованная возможностью услужить гостю, а Анатолий подумал, что туго ей придется, когда сюда набьются командированные на уборку шоферюги. С девушки его мысли перескочили на жену — как она там? Как девочки? Он надеялся, что из управления кто-нибудь предупредит Надю о его задержке.

Стянув с шеи галстук и расстегнув верхние пуговицы на рубашке, он уселся на скрипнувшую пружинами кровать. Прикрыл глаза и подумал: «Девочки будут капризничать, Наде придется самой читать им сказку, а Танюшка любит, чтобы читал я...» Двухлетняя Аня повторяла за старшей, четырехлетней сестрой абсолютно все, так что Надежде предстояло вытерпеть двойную порцию капризов.

Девочки были самой большой радостью в семье, ведь Надя шесть лет не могла забеременеть, а потом вдруг одна за другой родились сразу две дочки! Анатолий в них души не чаял и баловал, как только мог. Жена ворчала иногда, что он их окончательно испортит, но смотрела при этом ласково, так что ее ворчание ни отец, ни дочери всерьез не воспринимали.

В новом доме Охриповых на краю поселка двухлетняя Галя спала, раскинув ручки. Челка прилипла к влажному лбу, веки вздрагивали. Нонна поправила сбитую простынку, которой укрывала дочь, чтобы защитить от мошкары, и вышла из комнаты, оставив дверь полуприкрытой. По скрипучей лестнице спустилась вниз и остановилась в дверях большой, скудно обставленной комнаты. Тяжелый живот стиснуло, словно в клещах сжало, и Нонна охнула, выгибая поясницу.

— Рано, маленький, рано, — зашептала она, подхватывая живот снизу двумя руками. А он стал твердым, каменным, будто чужим.

До появления Гали на свет на здоровье Нонна не жаловалась, но после родов как-то ослабела, несмотря на то что ей было всего двадцать четыре года. Казалось бы — запрягай да паши. В девичестве она такой и была: крепкая, высокая, кровь с молоком. Муж очень хотел сына, так что мысли рожать или нет у нее даже не возникло. Думала: «Родила одну, рожу и второго». Только вторая беременность давалась ей нелегко с самого начала, а сейчас, на восьмом месяце, и вовсе измучила.

Нонна с тоской поглядела в темноту за окном — муж уже должен был вернуться с поля, но его все не было, и ее охватило острое чувство тревоги. Спазм отступил, и Нонна оторвалась от стены, но не успела и шага сделать, как по ногам потекло теплое. Она снова охнула, теперь уже от страха, и, сжав ноги, словно ребенок мог выскочить из нее прямо на пол, засемила через комнату.